

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ДНЕВНИК

Зинаида Гиппиус
Литературный дневник

«Public Domain»

1911

Гиппиус З. Н.

Литературный дневник / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1911

«Какая хорошая книга – «Деревня» Бунина. Строгая, тяжелая, гармоничная. Не роман: нет ни завязки, ни развязки, почти нет сюжета; книгу кто-то назвал «скучной», и это, пожалуй, правда; она скучна, тяжка, значительна и темна, она – сама «деревня» наша сегодняшняя. Язык так великолепно ровен, так спокойно-выразителен везде, что жаль вырывать цитаты: вся книга – одна цитата...»

© Гиппиус З. Н., 1911

© Public Domain, 1911

Зинаида Гиппиус Литературный дневник

Какая хорошая книга – «Деревня» Бунина. Строгая, тяжелая, гармоничная. Не роман: нет ни завязки, ни развязки, почти нет сюжета; книгу кто-то назвал «скучной», и это, пожалуй, правда; она скучна, тяжка, значительна и темна, она – сама «деревня» наша сегодняшняя. Язык так великолепно ровен, так спокойно-выразителен везде, что жаль вырывать цитаты: вся книга – одна цитата.

Среди разнородно-тенденциозных выкриков о «деревне», среди современных книг, одинаково нехудожественных и «правого» и «левого» направления, книга Бунина – единственная настоящая, ей веришь просто, ибо она проста и свободна. Бунин не Чехов; в книге нет легкости и остроты чеховских «Мужиков», но и слава Богу. Не легка, не остра «деревня»; и не копьём подымает Бунин земляные пласты, а широкой лопатой; не чертит, не рисует, а долго, нудно, медленно рассказывает, показывает.

Два брата. Два типично умных, даровитых русских мужика, поистине русских в своей природной сложности, сплетения силы и бессилия. Идет жизнь. Братья расстаются, один как будто тянется к «культуре», соприкасается во всяком случае с «интеллигентством», пишет стихи, даже издает книжечку. Другой – занят деревенскими «делами», торговлей, землей. И вот опять они вместе, опять деревня с ее земляной, снежной, тупой безвыходностью, грубым одиночеством. Равно не нужны оказываются и книги со стихами, и деловитая заботливость, – нужно, утешает еще, одно винное зелье. Братья – вовсе не «самородки», заеденные «средой»; нет, это обыкновенные, умные русские мужики, которые гибнут в «деревне», их же руками созданной и создаваемой. Порочный круг; ясно, что из него не найти выхода... усилиями отдельных людей, по крайней мере.

Книга Бунина дает серьезному читателю очень много. Художественно-бескорыстная, она, оставляя читателя свободным, приобщает его к проникновенному знанию автора. Никуда не толкает, не ведет, даже путей никаких не указывает. Если есть выходы и пути, их отыщет сам читатель. Это книга высшего целомудрия, художественного – и душевного, человеческого.

Казалось бы, вот младший брат ушел из деревни, попались ему люди неглупые, книги хорошие, сам не без способностей, – стихи ведь писал; что же это за слабняк, чего не держался, зачем опять в деревне, сидит в бессмысленном одиночестве, в снегу, больной, пользуется милостями, весьма небогатыми, полусумасшедшего брата, глядит на медленно ворочающееся, тупое колесо деревенской жизни? В самом деле, зачем? Ответа нет. Но твердо знаешь или, пожалуй, чувствуешь, что не личная слабость и не обстоятельства, тоже личные, здесь причиной; и отнюдь не выход – идти мужику путаться по городам, издавая свои стихи. Для самого мужика, настоящего, талантливого мужика, это не выход; если, конечно, он не Ломоносов какой-нибудь; но тогда уже и надо говорить о Ломоносове, оставив всякую «деревню» в покое.

Да, герой Бунина (можно ли назвать его «героем?») вернулся в свое место, погибает среди родных снегов, а не на петербургских улицах, отказался от претензий на интеллигентную и литературную «славу»; и тут, кроме большого художественного такта, есть еще настоящая правда. Правда героя – и правда деревни.

В сложной изломанной современной жизни приходится все чаще наблюдать странную вещь: хождение народа в интеллигенцию. Отличий от старого хождения «интеллигенции в народ» очень много. Во-первых, то, старое «хождение» было худым ли, хорошим ли, но делом идейным и, по самой идее, коллективным, общим; во-вторых, оно совершалось с предпосылкой любви к народу. Нынче же «народ», каждый «представитель» его, идущий в интеллигенцию, идет ради себя и для себя, индивидуально, хотя не забывает, что он – «народ», твер-

дит об этом кстати и некстати. Мало того – считает даже, что звание это дает какие-то права избранничества и затем право ненависти и презрения к злосчастной интеллигенции. Он хочет делать интеллигентское дело; что ж такое, что он его будет делать хуже интеллигента: зато он – «народ!». Наивно до трогательности (и старые грехи интеллигенции тут сказываются), однако нельзя же мириться с вопиющей нелепостью, коренной нелогичностью столь дикого явления. В литературе оно особенно ярко. Еще бы! Издали – именно литература кажется наиболее легким и пустым «интеллигентским» делом. Для всех других «дел», даже и для дел искусства, нужна длинная подготовка, большие труды; для литературы, для поэзии – милость Божия и собственная гениальность; а какой ныне представитель «народа», идущий в «интеллигенцию», сомневается в своей гениальности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.